ACADEMIA DE ^TIINJE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVTSTA
l&HEOLOGIC^

serie noua **vol. VIII** **nr. 1-2**

CHISINAU 2012

ISSN 1857-016X

ACADEMIA DE §TIINJE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ARHEOLOGIE

REVISTA ARHEOLOGICA

Colegiul de redacfie

Redactor $ef: dr. hab. **Oleg Levitki** (Chi§inau)
Redactor responsabil: dr. **Vlad Vornic** (Chi§inau)
Secretar de redacfie: Larisa Ciobanu (Chi§inau)

Membrii colegiului de redacjie: dr. hab. **Igor Brujako** (Odesa), dr. **Valeriu Cavruc** (Sfantu Gheorghe), dr. hab. **Valentin Dergaciov** (Chi§inau), prof. dr. **Svend Hansen** (Berlin), dr. **Maia Ka$uba** (Chi§inau), prof. dr. **Eugen Nicolae** (Bucure§ti), prof. dr. hab. **Gheorghe Postica** (Chi§inau), prof. dr. **Petre Roman** (Bucure§ti), dr. hab. **Serghej Sanzarov** (Lugansk), dr. hab. **Eugen Sava** (Chi§inau), dr. hab. **Serghej Skoryj** (Kiev), dr. **Nicolai Telnov** (Chi§inau), dr. **Svetlana Reabfeva** (Chi§inau), cu concursul dr. **Roman Croitor** (Chi§inau) §i **Ghenadie Sfrbu** (Chi§inau)

Manuscrisele, car^ile revistele pentru schimb, precum orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redac^ie al "Revistei Arheologice", Centrul de Arheologie, Institutul Patrimoniului Cultural A§M, bd. §tefan cel Mare 1, MD-2001 Chi^inau, Republica Moldova

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: редакция «Археологического Журнала», Центр археологии, Институт культурного наследия АНМ, бул. Штефан чел Маре 1, MD-2001 Кишинэу, Республика Молдова

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the «Archaeological Magazine», the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of RM, bul. §tefan cel Mare 1, MD-2001 Chisinau, the Republic of Moldova

Toate lucrarile publicate in revista sunt recenzate de speciali^ti in domeniu
Все опубликованные материалы рецензируются специалистами
All the papers to be published are reviewed by experts

© A§M, 2012

ФРАКИЙСКИЕ ВЛЯНИЯ НА МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СКИФОВ Ш-П ВВ. ДО Н.Э. НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Николай ТЕЛЬНОВ (Кишинэу), Виталий СИНИКА (Тирасполь)

Influente tracice asupra culturii materiale si ritului funerar al scitilor din sec. III-II i.e.n. de pe malul stang al Nistrului Inferior. *In articol sunt analizate influentele tracice asupra culturii materiale si ritului funerar al scitilor din sec. III-II i.e.n. de pe malul stang al Nistrului Inferior. Se constata ca traditiile tracice si-au gasit reflectarea in unele podoabe (bratari si cercei), dar si mai mult se observa in complexul ceramic (morfologia vaselor si elemente de decor). Raspandirea larga a veselei de factum tracica este legata de sedentarizarea populatiei scitice in sec. III-II i.e.n. In acelasi timp, nu suntpuse la indoiala radacinile scitice ale ritului funerar si culturii materiale a scitilor de pe Nistrul Inferior din sec. III-II i.e.n.*

В статье анализируются фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III-II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра. Констатируется, что фракийские традиции нашли своё отражение в некоторых украшениях (браслетах и серьгах), однако наиболее заметны в керамическом комплексе (профилировка сосудов и элементы декора). Широкое распространение посуды фракийского облика связывается с седентаризацией скифского населения в III-II вв. до н.э. В то же время скифские основы погребального обряда и материальной культуры скифов Нижнего Поднестровья в III-II вв. до н.э. не подвергаются сомнению.

Thracian influence on material culture and funeral practice of the scythians of the III-II centuries BC on the left bank of the Lower Dniester. *The paper analyzes the impact on the Thracian material culture and funeral practice of the scythians of the III-II centuries BC on the left bank of the Lower Dniester. It is stated that the Thracian traditions are reflected in some jewelry (bracelets and earrings), but they are the most noticeable in the ceramic complex (profile of the vessels and decorative elements). The wide spread of the Thracian-like vessels is connected with the settling of the scythian population in the III-II centuries BC. At the same time, scythian base of the funeral practice and material culture of the scythians of the Lower Dniester in III-II centuries BC is not questioned.*

Key words: *thracian influence, scythians, material culture, bracelets, earrings, vessels, decorative elements.*

Культурные взаимодействия и взаимовлияния являются постоянным объектом внимания в археологических исследованиях. Важность этих явлений трудно переоценить, и для их объективного изучения особое значение имеют надежные археологические источники.

В нашем случае такими источниками, кроме погребальных комплексов из скифских курганов Тираспольщины III-II вв. до н.э. (Мелюкова 1962), являются материалы, полученные на протяжении 1995-2012 гг. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (г. Тирасполь), которой проводились исследования скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. За 18 лет работ на могильнике были изучены 115 курганных насыпей, 113 из которых были сооружены в скифское время и содержали 181 скифское погребение. Эти материалы позволяют с достаточной уверенностью фиксировать латенский (Синика 2011), греческий (Синика 2012) и фракийский элементы, отложившиеся на погребальном обряде и материальной культуре нижнеднестровских скифов.

Наряду с греками одними из наиболее важных соседей скифов Нижнего Поднестровья в III-II вв. до н.э., равно как и в предшествующее время, являлись фракийские племена. Большинство гетских поселений в степях Северо-Западного Причерноморья сосредоточено на правом берегу р. Днестр - у сс. Калфа, Гура-Быкулуй, Олэнешть, Тудора, Паланка. Гетскими считаются и некоторые поселения на левобережье Нижнего Поднестровья, в районе с. Граденицы на Кучурганском лимане (Мелюкова 1979, 143). Значительно хуже поселений в Нижнем Поднестровье представлены гетские погребальные памятники. Целенаправленно они исследовались только на двух могильниках - Ханска I и Ханска-Лутэрия (Никулицэ 1969; 1972; 1977; 1987). Два гетских погребения были открыты случайно при земляных работах на правобережье Нижнего Днестра - между сёлами Тудора и Паланка (Сергеев 1960; Левинский 2009, 173-174). Ещё два захоронения известны на левом берегу Днестра: у с. Ташлык[1] и у с. Спея (Хахеу 1992, 124-125; Левинский 2009, 173-174). Несмотря на наличие отдельных гетских погребальных комплексов в Левобережном Поднестровье, на настоящий момент восточной

[1] Материал не опубликован. Гетская урна хранится в Тираспольском объединённом музее.

границей ареала фракийских культур обоснованно считается р. Днестр. Вместе с тем, фракийское влияние на материальную культуру соседних скифских племён зафиксировано гораздо восточнее, вплоть до Поднепровья[2].

Скифо-фракийским культурным контактам посвящён целый ряд работ, наиболее важные из которых принадлежат А.И. Мелюковой. Итогом многолетнего изучения этой проблемы стала её монография «Скифия и фракийский мир», которая до настоящего времени является единственным обобщающим исследованием о связях и взаимовлияниях скифской и фракийской культур (Мелюкова 1979). В результате проведённого анализа А.И. Мелюковой удалось доказать, что археологические материалы не подтверждают присутствие сколь-нибудь значительных групп фракийцев в степной зоне Северного Причерноморья как в предскифский, так и в скифский периоды (Петренко, Яценко 2001, 8). Аналогичный вывод содержится и в последней работе А.И. Мелюковой, посвящённой скифо-фракийским взаимоотношениям (Мелюкова 1995, 30-32.34).

Проблема фрако-скифских контактов и взаимовлияний затрагивалась и другими исследователями скифских памятников Днестро-Дунайских степей (Оанча 1988; Редина 1993; 1999; 2000; Redina 2005; Синика 2007, 25-26).

Следует особо подчеркнуть, что все имеющиеся на сегодняшний день работы, посвящённые фракийскому влиянию на погребальный обряд и материальную культуру скифов, опирались на анализ материалов, полученных в ходе раскопок скифских погребений VI - начала III в. до н.э[3].

Данные, полученные при изучении могильника у с. Глиное, позволяют проанализировать качество и степень фракийского влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов Нижнего Поднестровья в III-II в. до н.э.

Фракийское влияние на материальную культуру на могильнике у с. Глиное нашло своё отражение в единственном предмете вооружения, немногих украшениях, но наиболее выражено в керамическом комплексе.

Единственный двулезвийный топор обнаружен в погребении 14/2 могильника у с. Глиное (рис. 1,1). Подобные находки крайне редки в скифских погребальных комплексах Северного Причерноморья. Первая из них происходит из кургана Малая Офирня VI в. до н.э. на Киевщине (Петровська 1968, 167, рис. 4,10), а вторая - из погребения № 43 грунтового могильника у с. Николаевка IV в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра (рис. 1,13) (Мелюкова 1975, 91, рис. 56,1).

Двулезвийные топоры считаются типичным оружием фракийцев, которое связано по происхож-дению с местными бронзовыми прототипами. В частности, бронзовые двулезвийные топоры известны в двух фракийских погребениях у с. Фериджиле и у с. Бырсешть (Мелюкова 1965, 36; 1979, 202-203, рис. 31,19.20). Относительно топора из упомянутого погребения 43 грунтового могильника у с. Николаевка А.И. Мелюкова совершенно справедливо отмечает, что скифами от фракийцев была воспринята только сама идея двулезвийного топора, «тогда как местное исполнение придало ему свои особенности» - различная длина лезвий, расположение проуха ближе к одному из концов лезвия, где он обычно расположен у однолезвийного топора (Мелюкова 1979, 203).

Украшения фракийского облика на могильнике у с. Глиное представлены браслетом со змеиными головками на окончаниях и браслетами с лопаточковидными окончаниями, единственной серьгой с лопаточковидным окончанием, а также серьгами, окончания которых оформлены в виде конических шишечек.

Браслет со змеиными головками на окончаниях обнаружен только в погребении 33/1 могильника у с. Глиное (рис. 1,2). Подобные браслеты являются редкими находками в степных скифских погребениях Северного Причерноморья и Крыма. Они известны в захоронениях 2 кургана 19/21 на Никопольском курганном поле в Поднепровье (Граков 1962, 66, 93, рис. 8,7), 15/3 Красноперекопского могильника в Крыму и 27/1 Елизаветовского курганного могильника в Подонье. В.Г. Петренко отмечает, что широкое использование образа змеи во фракийском искусстве и частое применение этого мотива в орнаментации различных украшений и предметов туалета (браслетов, височных колец и фибул) свидетельствует о фракийском влиянии в сложении данного типа браслетов, которые изготавливались местными мастерами[4] (Петренко 1978,

[2] Одним из последних исследований, посвящённых данной проблеме, является работа Н.А. Гаврилюк (2009), которая содержит историографию вопроса.

[3] Единственным исключением являлись материалы из скифских курганов Тираспольщины III-II вв. до н.э.

[4] Совсем недавно это мнение получило весомое подтверждение в виде находки литейной формы в Тире, предназначенной для отливки браслетов, орнамент на которых соответствует тому, что нередко встречается на браслетах со змеиными головками на окончаниях и с лопаточковидными окончаниями (Смольянинова 2010, 100-101, рис. 2).

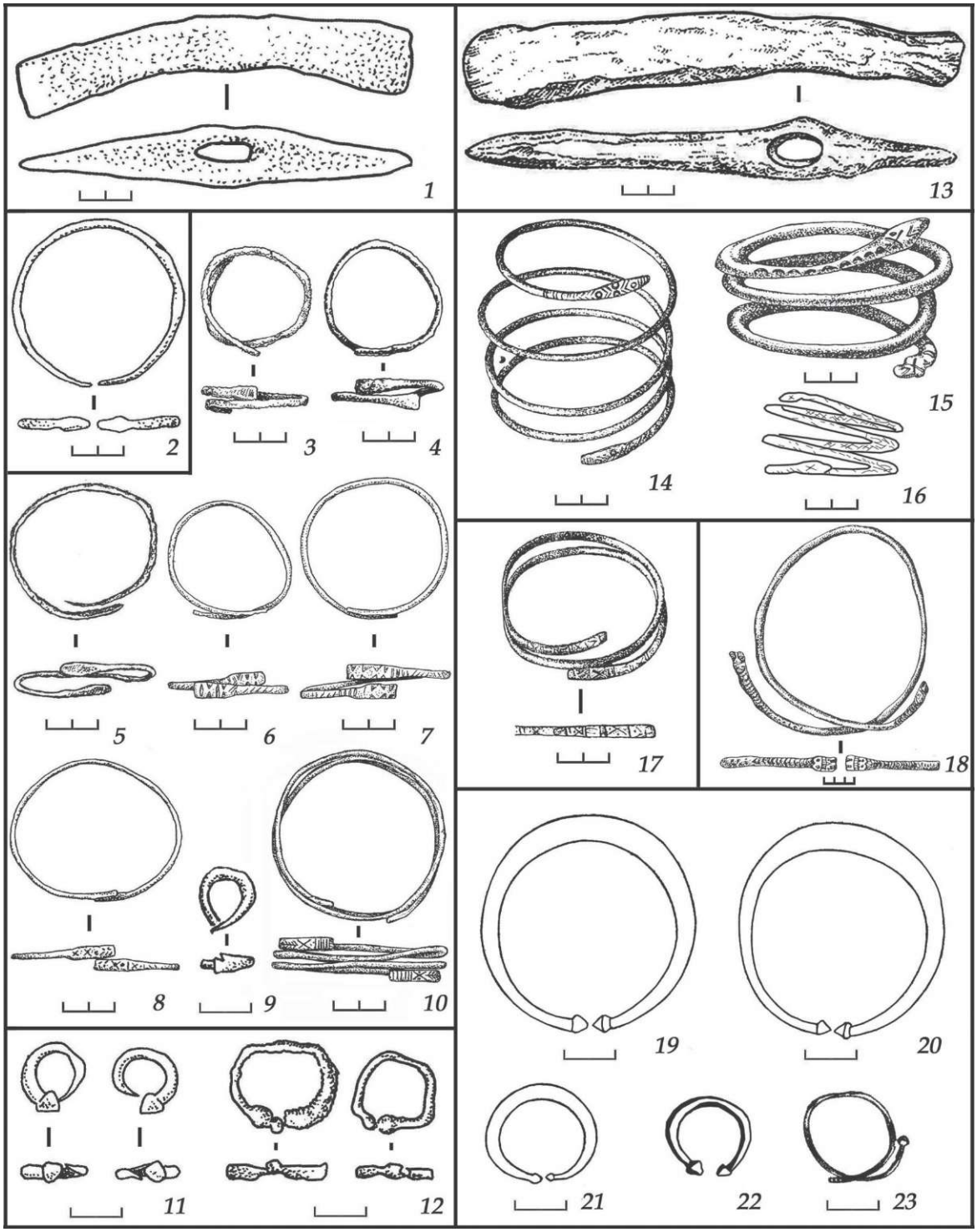

Рис. 1. Находки фракийского облика из могильника у с. Глиное (1-12) и аналогии (13-23): 1 - п.14/2, 2 - п.33/1, 3 - п.12/2, 4 - п.56/2, 5 - п.76/1, 6 - п.33/2, 7 - п.74/2, 8 - п.88/1, 9 - п.111/1, 10 - п.107/3, 11 - п.19/2, 12 - п.109/1; 13 - п.43 могильника у с. Николаевка на левобережье Нижнего Днестра (по *Мелюкова 1975),* 14 - клад у с. Матеуць в Лесостепной Молдове (по *Нудельман, Рикман 1956),* 15 - п.13/2 могильника Дербент на Нижнем Дунае (по *Redina 2005),* 16 - могильник в урочище Кавказ на Нижнем Дунае (по *Андрух, Чернов 1990),* 17 - клад у с. Матеуць (по *Нудельман, Рикман* 1956), 18 - п.13/2 могильника Дербент (по *Redina 2005),* 19-21 - клад у с. Матеуць (по *Нудельман, Рикман 1956),* 22 - к.345 у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра (по*Мелюкова 1962),* 23 - п.5 могильника Николаевка I в Нижнем Поднестровье (по *Дзис-Райко 1965).*

52-53, табл. 39,14.15.21). С ней соглашается А.И. Мелюкова, которая указывает на находку серебряного браслета с окончаниями в виде змеиных головок в составе клада у с. Матеуць в Лесостепной Молдавии (рис. 1,14) (Нудельман, Рикман 1956, 131, рис. 1,2; Мелюкова 1979, 231, рис. 34,23). Помимо браслета из с. Матеуць, географически ближайшими аналогиями находкам из могильника у с. Глиное являются браслеты из скифских погребений Нижнего Подунавья: 11/3 у с. Нагорное (Андрух, Суничук 1987, 43, рис. 4,3), 13/2 могильника Дербент (рис. 1,15) (Редина 2000, 250, рис. 1,7: Redina 2005, fig. 1,2) и из могильника в урочище Кавказ в окрестностях г. Измаил (рис. 1,16) (Андрух, Чернов 1990, 157, рис. 2,12).

Наибольшее распространение на скифском могильнике у с. Глиное получили браслеты с лопаточковидными окончаниями. Из 13 погребений происходят 16 таких браслетов: 12/2 (рис. 1,3), 18/1, 19/2 (2 экз.), 33/2 (2 экз.) (рис. 1,6), 53/1, 56/2 (2 экз.) (рис. 1,4), 74/2 (рис. 1,7), 76/1, 88/1 (рис. 1,8), 96/1, 102/2, 103/1, 107/3 (рис. 1,10). В сводке В.Г. Петренко отмечено всего 15 аналогичных украшений, причём только два из них происходят из степных скифских погребений - 19/1 у с. Астанино и 3/2 у с. Ильичёво в Крыму, а остальные - из лесостепных регионов Северного Причерноморья. Мнение о том, что такие браслеты являются «трансформацией браслетов со змеиными головками» представляется обоснованным (Петренко 1978, 53). Об этом также свидетельствует практически идентичная орнаментация в виде кружочков, линий и крестов, которая нередко присутствует на браслетах с окончаниями в виде змеиных головок и в виде лопаточек, имитируя, безусловно, глаза, раскраску и чешую змеи (рис. 1,6-9.14-17). В этой связи показательно, что в кладе у с. Матеуць был обнаружен один браслет с окончаниями в виде змеиных головок (Нудельман, Рикман 1956, 131, рис. 1,2), а другой - с лопаточковидными окончаниями (рис. 1,17) (Нудельман, Рикман 1956, 131, рис. 1,3), причём оба браслета были орнаментированы в единой стилистической манере. Подобный орнамент украшает также окончания серебряной гривны из погребения 2 кургана 13 могильника Дербент в Нижнем Подунавье (рис. 1,18) и серебряной гривны из клада у с. Матеуць (Нудельман, Рикман 1956, 131, рис. 1,4), которые обоснованно считаются свидетельствами фракийского влияния (Редина 2000, 250, рис. 1,6; Redina 2005, fig. 1,3).

Из погребения 111/1 могильника у с. Глиное происходит единственная бронзовая серьга с одним лопаточковидным окончанием (рис. 1,9). Аналогичные украшения нам неизвестны, нет их и в классификации В.Г. Петренко (1978). Однако, по нашему мнению, есть все основания считать эту серьгу (как и все браслеты с лопаточковидными окончаниями) свидетельством фракийского влияния на материальную культуру скифов Нижнего Днестра в III-II вв. до н.э.

Серьги с коническими шишечками на окончаниях обнаружены в погребении 19/2 и 109/1 могильника у с. Глиное.

Отметим, что серьги, оба окончания которых оформлены шишечками, обнаружены на левобережье Нижнего Днестра при раскопках скифского кургана 345 у с. Чобручи IV в. до н.э. (рис. 1,22) (Мелюкова 1962, 151, табл. 10,3), а также из кургана у с. Суклея (Мелюкова 1962, 151, табл. 2,6), дата которого определяется III-II вв. до н.э., т.е. синхронного комплексам могильника у с. Глиное. Из погребения 5 могильника Николаевка I на левобережье Днестровского лимана происходит серьга, у которой только одно окончание оформлено в виде шишечки (рис. 1,23) (Дзис-Райко 1965, 66, рис. 4,10; Петренко 1978, 35, табл. 22,6).

В.Г. Петренко отмечает, что подобные серьги появляются в скифских погребениях не ранее IV в. до н.э., при этом только в памятниках Поднестровья. Вместе с тем исследователь указывает, что подобные изделия достаточно хорошо известны в памятниках VI и VI-V вв. до н.э. Румынии, Болгарии, Венгрии и Боснии и совершенно обоснованно связывает их появление в Северо-Западном Причерноморье с фракийским влиянием (Петренко 1978, 34-35), о чём могут свидетельствовать, в частности, находки трёх аналогичных серег в составе гетского клада из с. Матеуць (рис. 1,19-21) (Нудельман, Рикман 1956, 130-131, рис. 1,1).

Керамический комплекс могильника у с. Глиное в значительно большей степени, чем украшения, демонстрирует фракийское влияние на скифскую материальную культуру III-II вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье (табл. 1). Это влияние проявляется как в профилировке сосудов (миски и чашки с загнутым внутрь венчиком, миски и чашки с выделенным ребром), так и в определённых элементах декора, встречающихся на них (выступы-фестоны на венчиках мисок и чашек, горизонтальные валики на венчиках мисок, вертикальные валики на бортиках мисок, упоры на плече сосуда, соединённые налепными валиками с пальцевыми вдавлениями).

Загнутый внутрь венчик характерен для мисок фракийского облика (Мелюкова 1974, 42). На могильнике у с. Глиное обнаружены девять подобных мисок - в захоронениях 2/3, 22/2, 22/3, 46/4, 65/1, 68/1, 78/3, 96/2 и 99/1.

Ближайшие аналогии происходят из кургана 282 у с. Чобручи (рис. 2,12) в Нижнем Поднестро-

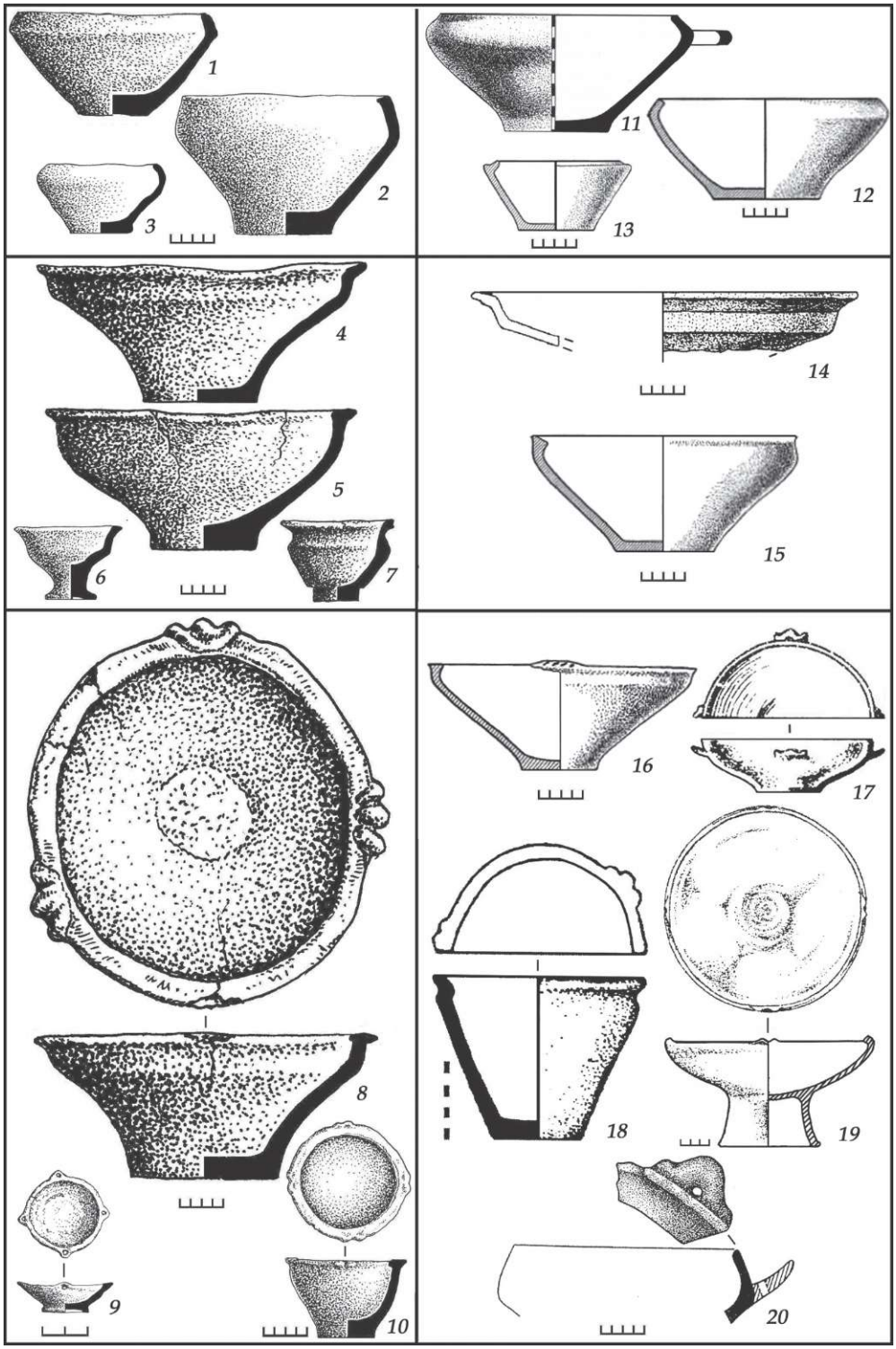

Рис. 2. Посуда фракийского облика из могильника у с. Глиное (1-10) и аналогии (11-20): 1 - п.2/3, 2 - п.99/1, 3 - п.103/1, 4 - п.19/1, 5 - п.33/2, 6 - п.27/1, 7 - п.37/1, 8 - п.14/2, 9 - п.47/1, 10 - п.96/1; 11 - п.33/2 могильника Дербент (по *Redina 2005),* 12 - к.282 у с. Чобручи (по *Мелюкова 1962),* 13 - к.402 у с. Чобручи (по *Мелюкова 1962),* 14 - городище Новосельское-II на Нижнем Дунае (по *Бруяко 2009),* 15 -к.154 у с. Парканы на Нижнем Днестре (по *Мелюкова 1962),* 16 - к.174 у с. Парканы (по *Мелюкова 1962),* 17 - могильник Ханска на правобережье Днестра (по *Никулицэ 1977),* 18 - погребение у с. Молога на правобережье Днестровского лимана (по *Бруяко 2009),* 19 - п.6/1 у с. Яснозорье в Лесостепном правобережном Поднепровье (по *Ковпаненко и др. 1994),* 20 - поселение Солончень-Хлиная (по *Kasuba §.a. 2000).*

вье (Мелюкова 1962, 154, рис. 3,4) и из погребений 32/2 могильника Кугурлуй (рис. 2,11) и 15/1 могильника Дербент в Подунавье (Редина 2000, 248, рис. 2,6.7).

Не вызывает сомнения, что по образцу этих мисок были изготовлены и чашки с загнутым внутрь венчиком из погребений 99/1, 103/1 (рис. 2,3), 105/2 и 109/1 могильника у с. Глиное, аналогия которым известна в кургане 402 у с. Чобручи (рис. 2,13) (Мелюкова 1962, 157, рис. 3,12).

Миски с выделенным ребром на могильнике у с. Глиное встречаются чаще, чем другие. Из 73 полностью сохранившихся лепных мисок 48 имеют достаточно выраженное (рис. 2,4) или сглаженное ребро (рис. 2,5). Единственная аналогичная форма из Поднестровья происходит из кургана 154 у с. Паркань (рис. 2,15) (Мелюкова 1962, 153, рис. 3,1).

Чаще всего подобные миски (с выделенным ребром) (рис. 2,14) соотносятся с культурой Поенешть-Лукашёвка (Гаврилюк 2009, 127, рис. 11,1-3; Бруяко 2009, 346, рис. 5,7, 6,2.4). Однако, как следует из недавно проведённого исследования, не только острорёберные, но и миски со сглаженным ребром характерны для Поенешть-Лукашёвской культуры. Отмечено также, что практически идентичные профили присутствуют в керамических комплексах зарубинецкой, ясторфской, пшеворской и других культур, но, за исключением зарубинецкой культуры, встречаются довольно редко (Пачкова 2006, 338, рис. 37; 105,6.8.10; 123,1.3.5; 169,1-8). Оставляя за пределами нашей работы вопрос о генезисе культуры Поенешть-Лукашёвка, который имеет весьма обширную историографию[5], отметим, что вне зависимости от того, бастарны или геты были основой формирования памятников этой культуры, фракийское (гетское) влияние на её керамический комплекс признаётся большинством исследователей (Фёдоров 1960, 8 и сл.; Романовская 1969; Никулицэ 1987, 196 и сл.; Щукин 1994, 107 и сл.; Ерёменко 1997, 67 и сл). Это влияние отчётливо фиксируется в профилировке сосудов и в определённых элементах декора, нередко наблюдается сочетание и первого и второго. Так, из 48 мисок с выделенным ребром, обнаруженных в погребениях могильника у с. Глиное, 15 были орнаментированы выступами-фестонами.

В полной мере всё изложенное выше относится и к чашкам с выделенным ребром. Подобных сосудов на могильнике у с. Глиное найдено всего четыре - в погребениях 27/1 (рис. 2,6), 37/1 (рис. 2,7), 99/1 и 105/2.

Выступы-фестоны на венчиках мисок и чашек являются одним из наиболее характерных свидетельств фракийского влияния на керамический комплекс могильника у с. Глиное. В 21 случае фестоны отмечены на мисках (7/1, 10/1, 13/1, 13/3, 14/2, 15/1, 17/1, 22/2, 27/1, 38/1, 42/1, 45/1, 57/1, 78/3, 86/1, 93/1, 95/1, 96/1, 103/1, 105/2, 109/1) и в двух - на чашках (47/1, 96/1). Они располагаются в одной плоскости с венчиком или находятся под углом к ней, причём известны различные варианты декорирования сосудов фестонами.

Аналогичные элементы орнамента известны на сосудах из целого ряда фракийских[6] памятников, в частности, в погребениях могильников Ханска I и Ханска-Лутэрия (рис. 2,17) (Никулицэ, 1977, 111, рис. XII,13), в захоронении у с. Молога (рис. 2,18), а также на городищах Картал и Новосельское (Бруяко, 2009, 350, рис. 6,1-3), Глинжень «Ла Шанц», Солончень-Хлиная (рис. 2,20), Сахарна Маре в Среднем Поднестровье (Kasuba, Haheu, Levitki 2000, 29.40.82, pl. XIII,6; XVIII,5; LI,2). В скифских курганах Тираспольщины III-II вв. до н.э. известна одна миска с выступами-фестонами - в погребении кургана 174 у с. Паркань (рис. 2,16) (Мелюкова, 1962, 153, рис. 3,2).

За пределами Северо-Западного Причерноморья подобный элемент декора на мисках встречается крайне редко в скифских погребальных комплексах. Нам известно всего два таких сосуда. Один из них происходит из захоронения 321/1 у с. Забара в Поросье, дата которого определена второй половиной VII в. до н.э. (Ковпаненко 1981, 22, рис. 18,2). Вторая миска с выступами-фестонами была обнаружена в захоронении 6/1 у с. Яснозорье в Лесостепном правобережном Поднепровье (рис. 2,19) середины - второй половины VII в. до н.э. (Ковпаненко и др., 1994, 53.60, рис. 5,1).

Горизонтальные валики на венчиках мисок украшали сосуды из погребений 3/1 (рис. 3,1), 87/1, 88/1 и 89/1 могильника у с. Глиное.

Подобный способ декорирования мисок имеет очень широкое распространение на фракийских памятниках VI-III вв. до н.э., а именно, на городищах Сахарна-Маре, Бутучень, Пояна, Ханска, на могильнике Страхотин и др. (Arnaut 2003, 72, fig. 51,IIIA2). Миски с таким элементом декора были обнаружены во фракийском погребении у г. Слободзея (рис. 3,3) (Фидельский 2009, рис. 1,1) и на

[5] Из последних работ см. Пачкова 2006, 315-320; Бруяко 2009, 346.

[6] Здесь и далее приводятся аналогии более раннего (гальштатского) и более позднего (гетского) времени, поскольку уже давно отмечено, что на протяжении VI-III вв. до н.э. фракийская керамика не претерпевает существенных измене-ний (Moscalu 1983, 6).

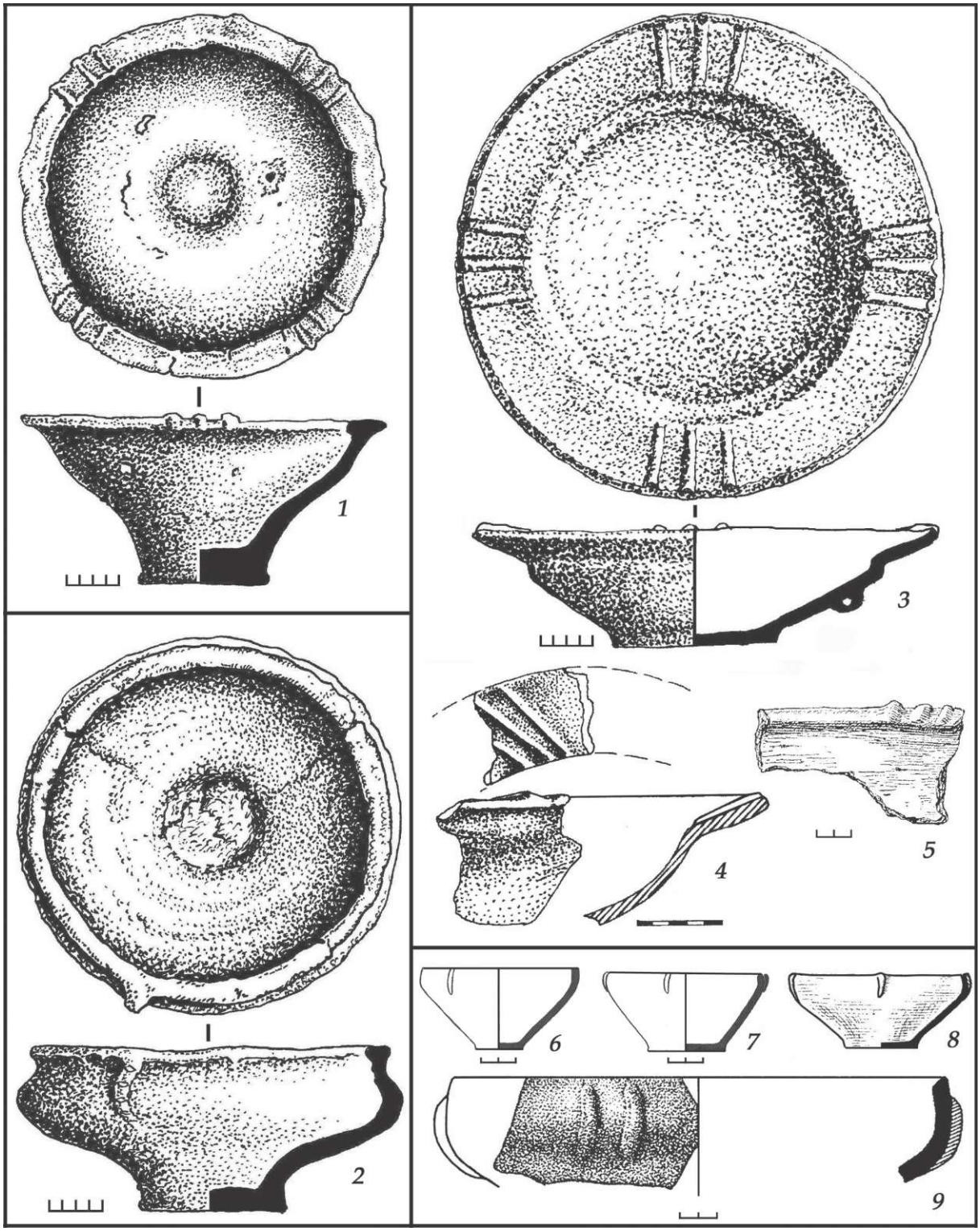

Рис. 3. Посуда фракийского облика из могильника у с. Глиное (1, 2) и аналогии (3-9): 1 - п.3/1, 2 - п.46/4; 3 - погребение у г. Слободзея на левобережье Нижнего Днестра (по *Фидельский 2009),* 4 - поселение Чобручи на левобережье Нижнего Днестра (по*Никулицэ, Фидельский 2004),* 5 - поселение Нагоряны на Среднем Днестре (по *Шовкопляс 1954),* 6-8 - могильники Ханска I и Ханска-Лутэрия (по *Никулицэ 1972; 1979),* 9 - поселение Глинжены «Ла Шанц» в Молдавской Лесостепи (по *Kasuba %.a., 2000).*

поселении Чобручи (рис. 3,4) (Никулицэ, Фидельский 2004, 197, 13,2) на Нижнем Днестре, а также на поселении Нагоряны (рис. 3,5) в Среднем Поднестровье (Шовкопляс 1954, 102, табл. I,9).

Вертикальным валиком на бортиках были декорированы всего две миски из погребений 46/4 (рис. 3,2) и 68/1 могильника у с. Глиное. Подобный элемент также не представляет собой редкость на фракийской керамике. В частности, он зафиксирован на сосудах из погребений могильника Ханска I и Ханска-Лутэрия (рис. 3,6-8) (Никулицэ, 1972, 119, рис. 3,а.б; 6,а; 1977, 111, рис. 3,3.12.14), в позднегальштатском и гетском слоях городища Глинжень «Ла Шанц» (рис. 3,9) (Kasuba, Haheu, Levifki 2000, 24.55, pl. VIII,7, XXXI,2.7) и на ряде других памятников (Moscalu 1983, 75-76, pl. LV,7.9.11.12).

Орнамент в виде налепного валика с пальцевыми вдавлениями на могильнике у с. Глиное зафиксирован дважды - на корчагах из погребений 102/3 и 105/2. К сожалению, оба сосуда фрагментированы. Из захоронения 102/3 происходит фрагмент плеча корчаги без венчика, на котором сохранился один упор и отходящий от него в обе стороны налепной валик с пальцевыми вдавлениями (рис. 4,1). В погребении 105/2 сохранился фрагмент верхней части корчаги - венчик и плечо сосуда, на котором также сохранился один упор, однако валик отходит не только в стороны, но и опускается вниз, образуя своеобразную «гирлянду» (рис. 4,2).

Сосуды с аналогичным орнаментом широко известны на фракийских памятниках. В частности, они происходят из гетского могильника Ханска (рис. 4,3) (Никулицэ, 1972, 113, рис. 6б), с городища Сахарна Маре (рис. 4,4) (Niculifa, Zanoci, Arnaut 2008, 103, fig. 93,11) и встречены на городище Новосельское-II (рис. 4,5) на Нижнем Дунае (Бруяко 2009, рис. 5,5.9).

Табл. 1. Посуда фракийского облика из могильника у с. Глиное

№	Профиль сосуда (1-3) или элемент декора (4-6)	№№ погребальных комплексов	Примечание
1	Загнутый внутрь венчик у мисок и чашек	2/3 (м), 22/2 (м), 22/3 (м), 46/4 (м), 65/1 (м), 68/1 (м), 78/3 (м), 96/2 (м), 99/1 (м + ч), 103/1 (ч), 105/2 (ч), 109/1 (ч).	фестоны: 22/2 (м), 78/3 (м), гориз. валик на венчике мисок: 46/4, 68/1.
2	Миски с выделенным ребром	7/1, 8/1, 10/1, 11/1, 13/1, 14/2, 15/1, 15/2, 17/1, 19/1, 19/3, 22/2, 23/1, 27/1, 33/2, 36/1, 38/1, 38/3, 41/2, 42/1, 43/2, 45/1, 47/1, 48/1, 52/1 (2 миски), 56/1, 56/2, 57/1, 62/1, 74/2, 75/2, 76/1, 77/1, 81/1, 81/3, 91/2, 94/1, 95/1, 102/3, 103/1, 104/1, 105/2 (2 миски), 106 (изо рва), 109/1, 113/1, 115/1.	фестоны: 7/1, 10/1, 13/1, 14/2, 15/1, 17/1, 27/1, 38/1, 42/1, 45/1, 57/1, 95/1, 103/1, 105/2, 109/1.
3	Чашки с выделенным ребром	27/1, 37/1, 99/1, 105/2.	м - миска ч - чашка
4	Выступы-фестоны на венчиках мисок и чашек	7/1 (м), 10/1 (м), 13/1 (м), 13/3 (м), 14/2 (м), 15/1 (м), 17/1 (м), 22/2 (м), 27/1 (м), 38/1 (м), 42/1 (м), 45/1 (м), 47/1 (ч), 57/1 (м), 78/3 (м), 86/1 (м), 93/1 (м), 95/1 (м), 96/1 (м + ч), 103/1 (м), 105/2 (м), 109/1 (м).	
5	Горизонтальные валики на венчиках мисок	3/1, 87/1, 88/1, 89/1	
6	Вертикальный валик на бортиках мисок	46/4, 68/1	

Анализ погребального обряда, практиковавшегося на могильнике у с. Глиное, не выявил сколь-нибудь ощутимого влияния со стороны гетского населения. Единственным исключением является, вероятно, ситуация, отмеченная в захоронении 10/1. В погребальной камере этой катакомбы было вырублено материковое ложе, на которое был положен погребённый; в этом же ложе была вкопана миска (рис. 5). Подобный обряд (вкапывание сосуда в пол погребального сооружения) у скифов северопричерноморских степей ранее не встречался[6]. Вместе с тем исследователями уже отмечалось,

[7] Мы не принимаем во внимание сосуды, которые были г жены в тайники, а затем полностью засыпаны.

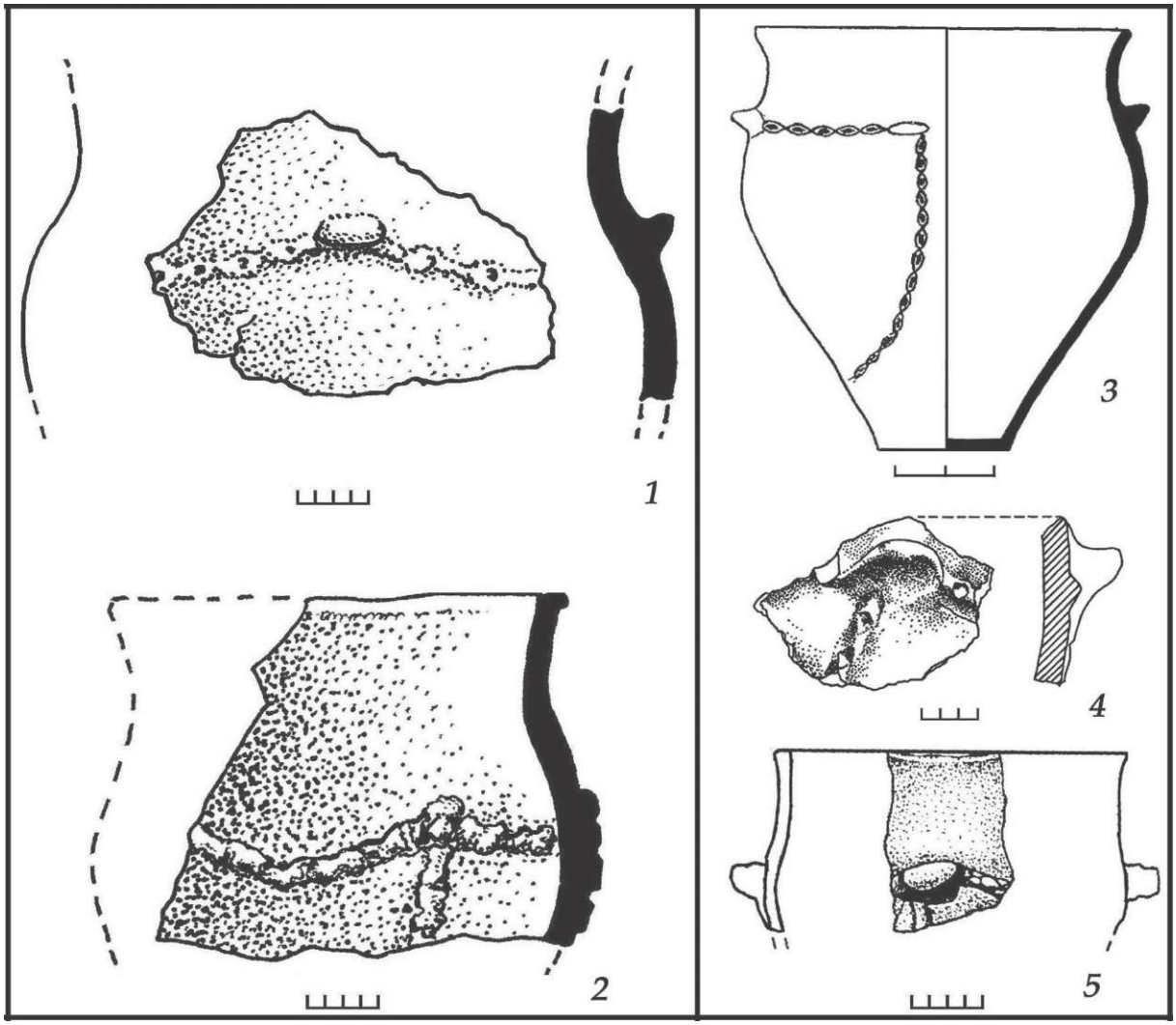

Рис. 4. Корчаги с орнаментом в виде налепного валика с пальцевыми вдавлениями из могильника у с. Глиное (1, 2) и аналогии (3-5): 1 - п.102/3, 2 - п.105/2; 3 - могильник Ханска (по*Никулицэ 1972),* 4 - городище Сахарна Маре в Молдавской Лесостепи (по *Niculi$a s.a., 2008),* 5 - городище Новосельское-II (по*Бруяко 2009).*

что вкопанные в пол сосуды характерны для фракийских культур типа Поенешть-Лукашёвка (Никулицэ 1987, 219). Н.А. Гаврилюк допускает, что расположение заглублённых в пол сосудов в культовых зонах и жилищах Золотобалковского поселения и Гавриловского городища в Нижнем Поднепровье является развитием традиции указанных фракийских культур (Гаврилюк 2009, 127). Если принять данную точку зрения, тогда миска, вкопанная в пол материкового ложа из погребения 10/1 могильника у с. Глиное, будет являться единственным свидетельством фракийского влияния на погребальную обрядность скифов Нижнего Днестра в III-II вв. до н.э.

* * *

Суммарный анализ фракийского влияния на материальную культуру и погребальный обряд нижнеднестровских скифов в III-II вв. до н.э. позволяет в настоящее время отметить несколько наиболее важных моментов:

1. Фракийское влияние практически не ощущается в погребальном обряде. Фракийское влияние на материальную культуру изредка проявляется в некоторых украшениях, однако наиболее ощутимо в керамическом комплексе.

2. Довольно значительное фракийское влияние на керамический комплекс, по нашему мнению, является результатом непрерывного оседания скифов на землю и, как следствие, их постоянного проживания в непосредственном соседстве с фракийским

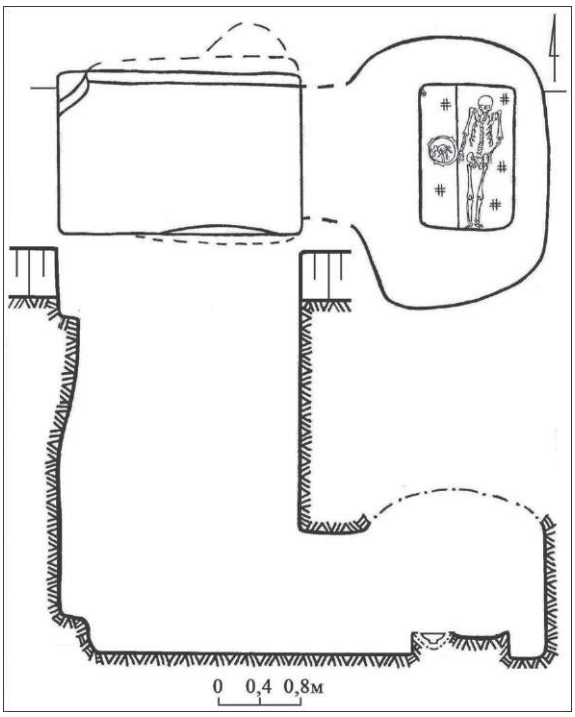

Рис. 5. Погребение 10/1 могильника у с. Глиное.

племенем гетов. Вывод о значительной седентаризации скифского населения в III-II вв. до н.э. в Нижнем Поднестровье ранее уже был сделан на основании анализа греческого влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника у с. Глиное (Синика 2012, 272).

3. Несмотря на ранее отмеченные латенские (Кривенко и др. 2011; Синика 2011) и греческие (Синика 2012), а также фракийские влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов Нижнего Днестра III-II вв. до н.э., их скифские основы представляются очевидными и бесспорными.

* * *

В завершении настоящей работы мы считаем нужным затронуть ещё одну «проблему», которая имеет самое прямое отношение к нашему исследованию. Эта проблема недавно появилась в археологической литературе, и, к сожалению, на данный момент не получила должной оценки со стороны специалистов.

В 2010 г. и 2012 г. вышли из печати две работы А.Н. Левинского, посвящённые истории гетов Северо-Западного Причерноморья. Первая представляет собой монографию под названием «История гетов в лесостепи юго-Восточной Европы (конец VI - вторая половина IV в. до н.э.» (Левинский 2010). Оставляя за специалистами в области гетской археологии и истории право давать общую оценку работы, равно как и её детальную характеристику, мы не можем не остановиться на некоторых обозначенных в ней положениях, которые напрямую связаны с вопросами скифского присутствия в Дунай-Днестровских степях, а значит и скифо-фракийских межкультурных взаимодействий.

Бросается в глаза огромное количество весьма слабо аргументированных, а чаще просто декларативных утверждений относительно дат тех или иных скифских погребальных комплексов в Дунай-Днестровских степях. В частности, указано, что в первой половине V в. до н.э. кочевья скифов, видимо, находились где-то к востоку от Днестра. «Степная зона к западу от реки и до Дуная (Буджакская степь), скорее всего, была лишь подконтрольной территорией. Скифских памятников первой половины V в. до н.э. здесь пока не обнаружено» (Левинский 2010, 93-94). Это утверждение представляется, по меньшей мере, весьма слабо аргументированным. Исследователь или не знает, или осознанно оставляет без внимания такие скифские погребения как Новые Раскаецы (Рэскэеций Ной) 2/7 (Яровой, 1990, 36-37, рис. 13/3-7) и Коржова 7/1 (Борзияк и др. 1983, 26, 27) в Поднестровье, а также Помазаны 2/2, 2/3 (Тощев, Редина 1991, 98-101) и захоронение у пгт. Арциз (Алексеева и др.1997) в Подунавье. Погребение 2/7 у с. Новые Раскаецы (Рэскэеций Ной) на правобережье Днестра следует датировать серединой V вв. до н.э., а никак не второй половиной VII или рубежом VII-VI вв. до н.э. (Левицкий, Демченко 1995, 47.48)8. Первой половиной V в. до н.э. датируется погребение 7/1 у с. Коржова с лесбосской амфорой (Mateevici 2007, 63). Оба погребения из кургана у с. Помазаны (совершены одновременно) датируются в пределах первой половины V в. до н.э. на основании бронзовых башнеобразных наконечников стрел со скрытой или выступающей втулкой из погребения 2/3. Арцизский комплекс, хотя и был датирован авторами публикации второй половиной - концом V в. до н.э. (Алексеева, Охотников, Редина 1997, 53), есть все основания относить ко второй-третьей четвертям V в. до н.э. на основании золотых обивок сосудов, выполненных в скифском «зверином» стиле, аналогии которым известны в скифских степных погребениях у с. Ковалёвка в Побужье (Ковпаненко, Бунятян 1978, 139, рис. 1,17) и Большая Знаменка в Поднепровье (Манцевич 1966, рис. 6,8), а также Днепровской Лесостепи - в курганах у с. Пека-

[8] На это, в частности, указывал А.Ю. Алексеев (2003, 205).

ри, Яблоновка (к. 1) и Берестняги (к. 4) (Петренко 1967, табл. 16,5.8.19; Галанина 1977, табл. 6,2).

Вызывает также удивление замечание о том, что самые ранние захоронения Дубоссарского курганного массива датируются не позднее первой четверти IV в. до н.э. (Левинский 2010, 96). При этом А.Н. Левинский просто ссылается на работу Н.А. Кетрару и И.А. Четверикова (2005, 154-155), забывая, вероятно, то, что курганы 43 и 46 у г. Дубоссары датируются рубежом VI-V вв. до н.э. на основании амфорного материала (целая самосская амфора и ножка амфоры) из обоих курганов (Mateevici 2007, 64). Не учтён также и тот факт, что железные панцири (пластины от такого были обнаружены в кургане 43) просто не известны в достоверных скифских комплексах IV в. до н.э. В данном случае нам остаётся констатировать некритический подход к интерпретации источника. Также А.Н. Левинским принимается на веру и повторяется едва ли не дословно концепция, высказанная в работе Н.А. Кетрару и И.А. Четверикова, которая заключается в том, что скифы Днепровского Правобережья, принадлежащие «катакомбному» клану (т.е. практиковавшие обряд захоронения в катакомбах), в конце V - начале IV в. до н.э. появляются на Днестре, а некоторые даже переправляются через реку, на правый берег (Кетрару, Четвериков 2005, 187-191; Левинский 2010, 96). Не останавливаясь подробно на концепции «возникновения катакомбной традиции» в Поднестровье, которая страдает множеством, мягко говоря, изъянов, заметим, что она несостоятельна, в том числе и потому, что помимо скифских курганов у г. Дубоссары в Нижнем Поднестровье (как на левобережье, так и на правобережье) существует целый ряд скифских погребальных памятников более раннего времени, чем рубеж V-IV вв. до н.э.

Просто не соответствует действительности тезис о том, что «к этому же времени *[конец V - начало IVв. до н.э. -* ***Н.Т., В.С.]*** относятся самые ранние комплексы в нижнедунайских скифских курганах» (Левинский 2010, 97). Таковыми являются, безусловно, погребение 7/1 могильника Кубей (Субботин и др. 1992, 10), который следует датировать на основании анализа бронзовых наконечников стрел серединой - второй половиной VI в. до н.э.; захоронение 6/1 могильника Чауш (Суничук 1985, 41-42, рис. 3,11.14) с костяной цилиндрической колчанной застёжкой (!) и железными панцирными пластинами, дата которого никак не выходит за пределы VI в. до н.э.; уже упомянутые комплексы из Помазан и ряд других скифских захоронений, которые легко отыскать даже при беглом знакомстве со специальной литературой.

Опять же со ссылкой на работу Н.А. Кетрару и И.А. Четверикова (2005, 155) А.Н. Левинский указывает, что позднейшее захоронение Дубоссарского могильника (18/1) было совершено не позже 40-х гг. IV в. до н.э., на что указывают херсонесская амфора и чернолаковый килик. При этом А.Н. Левинский подчёркивает, что он проводит свой «свежий» анализ только на основании надёжных хроноиндикаторов - греческих импортов, в особенности амфор (Левинский 2010, 112). Подобный подход нельзя не приветствовать, т.к. именно он (обращение к хроноиндикаторам, чья хронология разработана наиболее детально) всегда будет являться наиболее продуктивным при определении даты любого археологического комплекса. Однако в то же время мы не можем не обратить внимания, что по какой-то причине (?) А.Н. Левинский игнорирует другие греческие керамические импорты из того же Дубоссарского могильника. Например, одним из них является чернолаковый скифос из кургана 13, дата которого определяется очень точной аналогией с Афинской Агоры 320 г. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970, pl. 17, cat. 353), а с учётом износа (ручки отбиты в древности), этот сосуд, безусловно, попал в погребение кургана 13 позже указанной даты. Подобные примеры могут быть продолжены, в том числе и на материале менее надёжных хроноиндикаторов, которые никак нельзя сбрасывать со счетов при отсутствии других.

Особенно «поражает новизной» замечание А.Н. Левинского относительно скифских могильников Градешка, Дербент и Кугурлуй на левобережье Дуная и могильника Кискань в Запрутской Молдове. По мнению исследователя, их нельзя датировать второй половиной IV - началом III в. до н.э. просто потому, что херсонесские амфоры с клеймами, упоминаемые (!) в публикации С.И. Андрух (1995, 48-50) в настоящее время датируются иначе (не выходят за пределы опять-таки третьей четверти IV в. до н.э.), о чём А.Н. Левинский «доводит до сведения» читателя (Левинский 2010, 113). Однако заметим, что даже самому внимательному читателю не удастся узнать, о каких именно херсонесских амфорах с клеймами идёт речь, поскольку они просто не опубликованы в настоящее время. При этом А.Н. Левинский ссылается на работу С.Ю. Монахова и Е.В. Кузнецова, в которой даже не упоминаются амфоры из указанных могильников, а тем более не пересматривается их хронология (Монахов, Кузнецова 2009). Кроме как «научной казуистикой» с целью решения хронологических проблем подобный подход мы назвать не можем.

Вызывает особое неприятие вывод А.Н. Левинского, являющийся логическим заключением

его предшествующих «хронологических упражнений». Нам остаётся привести его полностью: «Все эти последние уточнения, волей-неволей, заставляют нас сделать вывод, что в последней четверти IV в. до н.э. в Днестро-Дунайском междуречье скифы уже не обитали. Нет ни одного достоверного комплекса. Парадокс, но с этим нужно согласиться» (Левинский 2010, 113).

Мы позволим себе не согласиться с этим абсолютно вымышленным «парадоксом». Ещё в 1962 г. А.И. Мелюкова вводит в научный оборот скифские курганы Тираспольщины IV-I вв. до н.э. (Мелюкова 1962). В 1984 г. она же публикует скифский курган на поле «На горбах» III в. до н.э. (Мелюкова 1984, 90-93). В 1993 г. Е.Ф. Редина опубликовала фибулы из скифских погребений придунайских могильников Градешка, Дербент и Кугурлуй (Редина 1993), анализ которых позволил И.В. Бруяко отнести верхнюю границу функционирования могильников к середине III в. до н.э. (Бруяко 2009, 333). С 1997 г. по настоящее время из печати вышел целый ряд работ, посвящённый могильнику у с. Глиное, в которых в том числе рассматривались и вопросы хронологии памятника (Синика 2004; Бруяко 2009, 333-339). В 2009 г. был опубликован скифский курган конца III в. до н.э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра (Четвериков, Синика 2009), а погребение у с. Никольское с фибулой отнесено к скифским древностям III-II вв. до н.э. Нижнего Поднестровья (Бруяко 2009, 334-335). Особо подчеркнём, что все указанные работы вышли из печати до появления монографии А.Н. Левинского в 2010 г.

Таким образом, в настоящее время необходимо согласиться с существованием значительного количества скифских памятников III-II вв. до н.э. в Поднестровье, равно как и с тем, что существует определённое количество скифских погребений, дата которых определяется и последней четвертью IV в. до н.э.

Далее А.Н. Левинский реконструирует историю гетов следующим образом. После битвы с Филиппом Македонским в 339 г. до н.э. скифы ослабевают и примерно в 335 г. до н.э. покидают степи Поднестровья и Подунавья, возвращаясь к «своим сильным и богатым сородичам на Днепре, откуда они более полувека назад ушли на запад», где включаются в состав Восточной скифской орды (Левинский 2010, 113-115). В 331 г. Ольвия просит помощи у скифов в борьбе с Зопирионом и получает её, сам Зопирион погибает. Скифы после победы над войском Зопириона возвращаются в Поднестровье и начинают тотально уничтожать все гетские городища Среднего Поднестровья (просто сжигая их и уничтожая жителей), с чем они справились до конца третьей четверти IV в. до н.э. «После ухода скифов больше некому было убрать и захоронить погибших. Люди остановились на этом месте только более ста лет спустя. Это были «бастарны-пришельцы». Так завершает своё повествование А.Н. Левинский об истории гетов Среднего Поднестровья (Левинский 2010, 115-118).

Несостоятельность этой «гипотезы» перечёркивается простым фактом существования на гетских городищах достаточного количества клеймёного керамического импорта III-II вв. до н.э. (Mateevici 2007).

Чтобы устранить это препятствие на пути своей «гипотезы» совсем недавно А.Н. Левинский провёл ревизию всего существующего амфорного и эпиграфического материала с гетских поселений Молдавской лесостепи (Левинский 2012). В результате мы вновь сталкиваемся с ранее озвученной позицией, которую мы считаем необходимым полностью процитировать: «Насколько можно заметить, на гетских памятниках лесной зоны отсутствуют какие-либо фрагменты типов греческой керамической тары, начало производства которой достоверно отнесено к последней четверти - концу IV в. до н.э., не говоря уже о типах характерных для III в. до н.э.» (Левинский 2012, 272). Как и в случае с историческим развитием гетов, мы оставляем право на детальное изучение этого «исследования» за теми самыми специалистами (в области греческой керамической тары и эпиграфики), на которых многократно ссылается А.Н. Левинский по ходу своей работы. Мы позволим себе сделать только одно замечание, которое считаем концептуальным. А.Н. Левинским констатируется хронологическое несоответствие между морфологическими типами амфор (более ранние!) и их клеймами (более поздние!). Эта проблема решается просто - ввиду несовершенства типологии амфорных клейм (причём, судя по тексту, абсолютно всех центров) декларируется «право при дальнейшем анализе находок делать акцент не на эпиграфике амфорного материала, а на морфологических особенностях керамической тары» (Левинский 2012, 253-254). Этот подход вызывает не только удивление своей наивностью, но и резкое неприятие по двум причинам. Во-первых, абсолютное большинство клейм на поселениях находятся не на целых формах тары, а на ручках (реже, горловинах и, ещё реже, ножках); совершенно иная ситуация в погребальных комплексах - с точностью до наоборот. Это утверждение нам представляется аксиомой. Во-вторых, игнорировать данные эпиграфики в отрыве от морфологии тары нельзя, ибо типология клейм центров, осуществлявших систематическое клеймение, разработана намного

более точно, чем типология амфорной тары. И это утверждение нам также представляется аксиомой.

Завершая краткий анализ двух «исследований» А.Н. Левинского, можно только высказать сожаление о том, что их автор использует археологический источник лишь для того, чтобы с его помощью обосновать заранее созданную идею. Сначала отбирается только подходящий материал, при этом «ненужный» материал либо не знаком автору, либо просто игнорируется им. Затем следует тщательная «подгонка» отобранного материала под те немногие известные нам исторические события, имевшие место в Северном Причерноморье - битва Филиппа Македонского со скифами, поход Зопириона, в результате чего реконструируется ход исторического бытия гетов с конца VI в. до н.э. по конец IV в. до н.э. в Юго-Восточной Европе.

Ставя целью настоящей работы исследовать характер и глубину фракийского влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов, проживавших в III-II вв. до н.э. и мирно сосуществовавших с гетами на Нижнем Днестре, мы столкнулись с «удивительной» проблемой, когда у нас есть фракийские влияния, но у нас нет носителей этих влияний. Геты, как «оказалось» в ходе ознакомления с литературой, просто исчезли с исторической арены, притом вместе со скифами, по версии А.Н. Левинского. Многочисленные археологические источники и особенно материалы, полученные в ходе исследования могильника у с. Глиное, однозначно противоречат подобным реконструкциям исторического развития Северо-Западного Причерноморья в IV-II вв. до н.э.

Библиография

Алексеев 2003: А.Ю. Алексеев, Хронография Европейской Скифии (Санкт-Петербург 2003).

Алексеева, Охотников, Редина 1997: И.Л. Алексеева, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Скифское погребение у г. Арциз. В сб.: Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (материалы полевого семинара) (Тирасполь 1997), 48-55.

Андрух 1995: С.И. Андрух, Нижнедунайская Скифия в VI - начале I в. до н.э. (этнополитический аспект) (Запорожье 1995).

Андрух, Суничук 1987: С.И. Андрух, Е.Ф. Суничук, Захоронения зажиточных скифов в низовьях Дуная. В сб.: Новые исследования по археологии Северного Причерноморья (Киев 1987), 38-46.

Андрух, Чернов 1990: С.И. Андрух, С.И. Чернов, Новые скифские памятники Дунай-Днестровского междуречья. СА 2, 1990, 149-163.

борзияк, Манзура, Левицкий 1983: И.А. Борзияк, И.В. Манзура, О.Г. Левицкий, Коржевские курганы. В сб.: АИМ в 1979-1980 гг. (Кишинёв 1983), 3-27.

бруяко 2009: И.В. Бруяко, От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. Stratum plus 3, 2005-2009, 329-370.

Гаврилюк 2009: Н.А. Гаврилюк, Фракийцы в Нижнем Поднепровье. Stratum plus 3, 2005-2009, 114-141.

Галанина 1977: Л.К. Галанина, Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга). САИ Д1-33 (Москва 1977).

Граков 1962: Б.Н. Граков, Скифские погребения на Никопольском курганном поле. МИА 115, 1962, 56-113.

Дзис-Райко 1965: Г. А. Дзис-Райко, Раскопки могильника в с. Николаевка на Днестровском лимане. В сб.: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 г. (Одесса 1965), 59-68.

Ерёменко 1997: В.Е. Ерёменко, «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура (Санкт-Петербург 1997).

Кетрару, Четвериков 2005: Н.А. Кетрару, И.А. Четвериков, Курганы скифского времени у города Дубоссары (публикация материалов раскопок 1980-1987 гг.). Stratum plus 3, 2003-2004, 77-197.

Ковпаненко 1981: Г.Т. Ковпаненко, Курганы раннескифского времени в бассейне р. Россь (Киев 1981).

Ковпаненко, бессонова, Скорый 1994: Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый, Новые погребения раннего железного века в Поросье. В сб.: Древности скифов (Киев 1994), 41-63.

Ковпаненко, бунятян 1978: Г.Т. Ковпаненко, Е.П. Бунятян, Скифские курганы у с. Ковалёвка Николаевской области. В сб.: Курганы на Южном Буге (Киев 1978), 133-150.

Кривенко, Синика, Тельнов 2011: А.В. Кривенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Случайные находки III-II вв. до н.э. с Левобережья Нижнего Днестра. Stratum plus 6, 2011, 41-45.

Левинский 2009: А.Н. Левинский, К вопросу о погребальном обряде и обрядности у гетов Днестровско-Прутского междуречья (VI-IV вв. до н.э.). Stratum plus 3, 2005-2009, 162-175.

Левинский 2010: А.Н. Левинский, История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI - вторая половина IV в. до н.э.). Stratum plus 3, 2010, 15-127.

Левинский 2012: А.Н. Левинский, Греческие амфоры на гетских памятниках Днестровско-Прутского междуречья - центры и ритмы поступления. Stratum plus 3, 2012, 245-274.

Левицкий, Демченко 1995: О.Г. Левицкий, Т.И. Демченко, Памятники скифской архаики на территории Молдовы. В сб.: ДСПК V (Запорожье 1995), 41-53.

Манцевич 1966: А.П. Манцевич, Деревянные сосуды скифской эпохи, АСГЭ 8, 1966, 23-38.
Мелюкова 1962: А.И. Мелюкова, Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских). МИА 115, 1962, 114-166.
Мелюкова 1965: А.И. Мелюкова, Скифские элементы в гетской культуре. КСИА 105, 1965, 32-41.
Мелюкова 1974: А.И. Мелюкова, Культура племён Днестровско-Прутского междуречья (VIII-I вв. до н.э.). В сб.: Древняя культура Молдавии (Кишинёв 1974), 7-52.
Мелюкова 1975: А.И. Мелюкова, Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка (Москва 1975).
Мелюкова 1979: А.И. Мелюкова, Скифия и фракийский мир (Москва 1979).
Мелюкова 1984: А.И. Мелюкова, Курганы скифских кочевников у с. Николаевка. В сб.: Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья (Киев 1984), 90-103.
Мелюкова 1995: А.И. Мелюкова, Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV-III вв. до н.э. РА 1, 1995, 28-35.
Монахов, Кузнецова 2009: С.Ю. Монахов, Е.В. Кузнецова, Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие боспорские или раннехерсонесские). В сб.: Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время (Ростов-На-Дону 2009), 148-161.
Никулицэ 1969: И.Т. Никулицэ, Исследования гетского могильника Лутерия у с. Ханска. В сб.: Далёкое прошлое Молдавии (Кишинёв 1969), 134-135.
Никулицэ 1972: И.Т. Никулицэ, Исследования гетского могильника у с. Ханска-Лутэрия. В сб.: АИМ в 1968-1969 гг. (Кишинёв 1972), 105-121.
Никулицэ 1977: И.Т. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинёв 1977).
Никулицэ 1987: И.Т. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Кишинёв 1987).
Никулицэ, Фидельский 2004: И.Т. Никулицэ, С.А. Фидельский, Чобручи - многослойное поселение на Днестре. Thracians and Circumpontic world. II. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology. Chiginau-Vadul lui Voda. 6-11 September 2004 (Chiginau 2004), 190-216.
Нудельман, Рикман 1956: А.А. Нудельман, Э.А. Рикман, Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии. Изв. МФ АН СССР 4 (31), 1956, 129-133.
Оанча 1988: Е.С. Оанча, О некоторых типах украшений фракийского облика из скифских памятников Днестро-Дунайского междуречья. В сб.: Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным (Москва 1988), 119-121.
Пачкова 2006: С.П. Пачкова, Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы (Киев 2006).
Петренко 1967: В.Г. Петренко, Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. САИ Д1-4 (Москва 1967).
Петренко 1978: В.Г. Петренко, Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. САИ Д4-5 (Москва 1978).
Петренко, Яценко 2001: В.Г. Петренко, И.В. Яценко, К юбилею Анны Ивановны Мелюковой. РА 4, 2001, 5-12.
Петровська 1968: Е.Ф. Петровська, Курган VI в. до н.э. біля с. Мала Офірна на Кшвщиш. Археолопя XXI, 94-109.
Редина 1993: Е.Ф. Редина, Классификация фибул из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. В сб.: Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского археологического музея (Одесса 1993), 50-52.
Редина 1999: Е.Ф. Редина, К вопросу о фрако-скифских культурных взаимоотношениях (скифское однолезвийное оружие). В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологи Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) (Запорожье 1999), 223-227.
Редина 2000: Е.Ф. Редина, Нижний Дунай в системе культурных контактов скифов и фракийцев. В сб.: Археолопя та етнолопя Сходао! Свропи: матеріалі та дослвдження (Одесса 2000), 243-252.
Романовская 1969: М.А. Романовская, Об этнической принадлежности населения оставившего памятники типа Лукашёвка. МИА 150, 1969, 81-95.
Сергеев 1960: Г.П. Сергеев, Скифский кинжал (IV-III вв. до н.э.) из Олонештского района Молдавской ССР. В сб.: ЗОАО, Т. I (Одесса 1960), 262-265.
Синика 2004: В.С. Синика, К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы. В сб.: Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Ч. I (Киев - Судак 2004), 110-113.
Синика 2007: В.С. Синика, Погребальные памятники скифской культуры VII - начала III в. до н.э. на территории Днестро-Прутско-Дунайских степей. Автореф. дите. ... канд. ист. наук (Москва 2007).
Синика 2011: В.С. Синика, О латенском влиянии на материальную культуру скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Древность: историческое знание и специфика источника. Мат. межд. науч. конф., посвящ. памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Вып. V (Москва 2011), 184-187.
Синика 2012: В.С. Синика, О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. В сб.: Человек в истории и культуре. Вып. 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора В.Н. Станко (Одесса 2012), 268-270.
Смольянинова 2010: С.П. Смольянинова, Литейные формы из Тиры-Белгорода. В сб.: Тира - Белгород - Акккерман (материалы исследований) (Одесса 2010), 100-120.
Субботин и др. 1992: Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, С.Б. Охотников, Е.Ф. Редина, Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья (Киев 1992).

Суничук 1985: Е.Ф. Суничук, Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная. В сб.: Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985), 38-45.
Тощев, Редина 1991: Г.Н. Тощев, Е.Ф. Редина, Курганная группа у с. Помазаны Одесской области. В сб.: ДСПК II (Запорожье 1991), 95-104.
Фёдоров 1960: Г.Б. Фёдоров, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. МИА 89 (Москва 1960).
Фидельский 2009: С.А. Фидельский, Погребение железного века у г Слободзея в Нижнем Поднестровье в контексте северо-фракийских памятников. Tyragetia, s.n., vol. III [XVIII], nr. 1, 2009, 235-246.
Хахеу 1992: В.П. Хахеу, О гетских памятниках Левобережья Молдовы. Anuar I, 1992, 122-128.
Четвериков, Синика 2009: И.А. Четвериков, В.С. Синика Скифский курган конца III в. до н.э. у с. Чобручи на левобережье Нижнего Днестра. В сб.: ССПЖ XV. Матеріали конференци «Проблеми сюфо-сарматсько! археологи Швшчного Причорномор'я» (до 110^ччя з дня народження Б.М. Гракова). (Зат^жжя 2009), 204-212.
Шовкопляс 1954: ГГ. Шовкопляс, Поселення ранньосюфського часу на Середньому Дтстрг Археолопя, Т. IX, 1954, 98-105.
Щукин 1994: М.Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. - I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе (Санкт-Петербург 1994).
Яровой 1990: Е.В. Яровой, Курганы энеолита - эпохи бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинёв 1990).
Arnaut 2003: T. Arnaut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. in spafiul de la rasarit de Carpafi (Chi^inau 2003).
Kasuba, Haheu, Levifki 2000: M. Kasuba, V. Haheu, O. Levifki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu. Biblioteca Thracologica XXXI (Bucure^ti 2000).
Mateevici 2007: N. Mateevici, Amforele grece^ti in mediul barbar din nord-vestul Pontului Euxin in sec. VI - inceputul sec. II a.Chr. Biblioteca Tyragetia XIV (Chi^inau 2007).
Moscalu 1983: E. Moscalu, Ceramica traco-getica (Bucuresti 1983).
Niculifa, Zanoci, Arnaut 2008: I. Niculifa, A. Zanoci, T. Arnaut, Habitatul din mileniul I a.Chr. in regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). Biblioteca Tyragetia XVIII (Chi^inau 2008).
Redina 2005: E. Redina, Scytho-Thracian cultural contacts in the northwestern Black Sea littoral. In: The Culture of Thracians and their Neighbours. Proceedings of the International Symposium in Memory of Prof. Mieczyslaw Domaradzki, with a Round Table «Archaeological Map of Bulgaria», BAR Intern. Ser. (London 2005), 231-238.

Николай Тельнов *- доктор истории, ведущий научный сотрудник Отдела античной и средневековой археологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы. Бул. Штефан чел Маре, 1. MD 2001, Кишинэу. e-mail: telnov_nikolai@mail.ru*

Виталий Синика *- кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь. e-mail: sinica80@mail.ru*